

Научная статья
УДК 811.161.1'373(571.61)
DOI 10.18101/2686-7095-2022-1-27-33

СЛОВАРЬ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКАХ

© Пляскина Елена Ивановна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и методики его преподавания,
Забайкальский государственный университет
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30
plyaskinaEI@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены лексические единицы (их значение и употребление), зафиксированные в Словаре русских говоров Приамурья и представляющие собой ценные для исследований говоров забайкальских казаков лингвистические и этнографические сведения, а именно вышедшие из употребления в забайкальских говорах, но сохранившиеся в приамурских в тех же значениях слова *козляк* и *орогда*, а также атрибутивное сочетание *орочонские рукавицы* (выявлена причина их устаревания — утрата денотата); вышедшее из употребления презрительное прозвище крестьян *гужеед*, изменившее в приамурских говорах свое значение. Другие лексические единицы *аргунец*, *читинка*, *шилкинка*, *аргунские колоба*, данные в Словаре, указывают на устаревшие реалии, характерные когда-то для быта забайкальцев. Особенно важными являются сведения о значении слова *гуран*² и словарные иллюстрации к нему: они помогают понять, как возникло это прозвище забайкальского казака и кого так называют. Актуальность темы исследования связана с интересом в обществе к этническим корням русской нации, к истокам национальной культуры, а также с выдвинутыми в последние годы другими этимологиями слова *гуран*².

Ключевые слова: говор, забайкальские говоры, приамурские говоры, устаревшая лексика, лексические единицы, лексема, значение, прямое значение, переносное значение, полисемантическое слово, омонимы.

Для цитирования

Пляскина Е. И. Словарь русских говоров Приамурья как источник сведений о забайкальских казаках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 1. С. 27–33.

Из истории заселения Приамурья как пограничной территории известно, что «первое казачье переселение осуществлялось в 1855–1862 гг. путем водворения забайкальских казаков» [7, с. 55]. Впервые они сплавились по Амуру небольшой группой в 1854 г. (так называемый первый амурский сплав), а в 1857–1858 гг. (второй и третий амурские сплавы) около 14 тысяч забайкальских казаков переселились на Амур и образовали Амурское казачье войско, основав на левом берегу более 90 станиц и поселков¹ [4, с. 73–74].

¹ Материалы, касающиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. Санкт-Петербург: Изд. канцел. ком. министров, 1902. 76 с.

На новых землях забайкальские казаки, ставшие амурскими, сохранили культурные и языковые традиции, чему способствовало сходство социальных и природных условий жизни. Многие из того, что принесли они с собой, живо в современных амурских говорах старожилородного населения по верхнему и среднему течению реки Амура и зафиксировано в Словаре русских говоров Приамурья, составленном учеными Хабаровского государственного педагогического университета Ф. П. Ивановой и Л. Ф. Путятиной и учеными Благовещенского государственного педагогического университета Л. В. Кирпиковой, О. Ю. Галуза и Н. П. Шенковец [16]. Поэтому данный лексикографический труд может служить источником сведений самого разнообразного характера о забайкальских казаках и их говорах.

В Словаре представлены слова и словосочетания, указывающие на реалии, когда-то бытовавшие у забайкальских казаков, например, *аргунские колоба́* у аргунских казаков — «блины из просяной муки» (*Несложно печь аргунские колоба, их еще называют просяночки*) [16, с. 22]. В XX в. более распространены были *колоба* из гречневой муки или из пшеничной с добавлением гречневой, и в наше время их еще готовят, а в Балейском районе, хотя и довольно далеко от Аргуни, пекут блины из пшена (пшено делают из проса): *Угощайтесь колобами со пшенки на сыворотке, они скусные* [11, с. 89].

Другими примерами являются названия лодок, тоже появившиеся, скорее всего, в приамурских говорах, когда различные виды лодок, привезенные забайкальскими казаками, нужно было как-то именовать; в рассматриваемом случае они получили наименования по месту изготовления: на берегах Аргуни, Читы (Читинки) или Шилки, рек, протекающих в Забайкальском крае: *аргунец* — «берестяная лодка» (*Рыбачили мы летом в аргунцах и читинках*) [16, с. 22]; *читинка* — «разновидность местной узкой длинной лодки», в словарных иллюстрациях дано подробное ее описание: *Читинка из мелких досок, как из реек, в длину две сажени, в читинку входило пять-шесть человек. Они большие и удобные; Вчерась читинку кончил делать. Человек пять-шесть поместится* [16, с. 500]; *шилкинка* — «кто же, что читинка»: *У шилкинки кормы нет. В шилкинке по пять-шесть человек садилось* [16, с. 509].

Словарь содержит лексику, устаревшую и уже неизвестную в забайкальских говорах, очевидно, в связи с выходом из употребления тех реалий, которые она называет, например, *козляк* и *орогда*; эти лексические единицы (ЛЕ) обозначают предметы одежды охотника. *Козляк* — «короткая шуба из шкур дикой козы мехом наружу»: *Козляки шили из козьих шкур, шерсть наружу; Козляк и доха — большая разнища. Козляки коротки были; Мужики козляки носили; я в козляке на охоту ходил. Теплый он; Козляк короткий такой, а дохи длинные, у козляка ворот небольшой, а у дохи целая козлинка уходила; Козляк до колен, как сечасная шуба* [16, с. 193]. *Орогда* — «меховая охотничья шапка, сшитая из шкуры, снятой целиком с головы дикой козули. Сохраняются уши животного и прорези на месте глаз»: *Козулю снимут с рогами, со всем — вот тебе и орогда; Шили орогды, снимали кожу с головы козла, пришивали уши, а для детей — с рогами; Орогды шили, шапки из головы козьей; У мужчин шапки эти были — орогды, орогдами называли. С ушами наденет, как козуля; На охоте дед коз скрадывал в орогде;*

Орогды шили, это из козы, носят в основном охотники, чтобы коза не убежала [16, с. 298].

Эти ЛЕ активно использует А. А. Черкасов — горный инженер и заядлый охотник, служивший в Нерчинском горном округе с 1855 по 1871 гг. и описавший свою охотничью жизнь в очерках, опубликованных под общим названием «Из записок сибирского охотника» [19]. Собираясь на охоту, он, как и казаки-охотники, со многими из которых он был в дружеских отношениях, надевал *козляк* и *орогду* (и научился их шить, долгое время живя в Бальджиканском карауле): «... а на голове козья охотничья шапочка (*орогда*, как здесь называют)» [19, с. 17]; «Я машинально отклонил голову, отбивал левой рукой в грудь зверя и не мог его отбросить, так сильно уцепился он ужасными когтями за мой продыmlенный *козляк*» (в сноске автор поясняет: за Байкалом козляки и овчинные шубы всегда дымят над аргалом (зажженные конские шевьяки), отчего мездра пушнины получает красивый темно-желтый цвет и не боится мокра. Дымятся всегда нешитые шкурки) [19, с. 178]. Надо заметить, что у охотника А. А. Черкасова *козляк* был шит мехом внутрь, а продыmlенной мездрой (*мездра* — «внутренний сторона кожи или шкуры» [17, т. 2, с. 246]) наружу, как и все русские шубы (обычно их сверху покрывали тканью, а за Байкалом в связи с дефицитом ткани шкуры дымили); очевидно, шили козляки как мехом наружу, так и внутрь.

Рассматриваемые ЛЕ бытовали в забайкальских говорах еще середине XX в., что подтверждает Словарь русских говоров Забайкалья Л. Е. Элиасова, в котором зафиксирован фонетический вариант ЛЕ *орогда* — *арогда* с тем же значением; кроме ссылки на А. А. Черкасова, дана только одна словарная иллюстрация, записанная в юго-восточном Забайкалье — в селе Кокертай Сретенского района в середине XX в.: *Медвежонок был маленький, он его в арогде принес* [20, с. 56]. ЛЕ *козляк* представлена как одежда из козьих шкур со словарной иллюстрацией *В этом козляке хоть зимой в тайге ночуй, не замерзнешь*, записанной в селе Чара Каларского района Читинской области в 1939 г. [20, с. 159].

Устаревшим в забайкальских говорах является название меховых (обычно из козьих шкур) охотничьих рукавиц с разрезом на ладони — *орочонские рукавицы*: *Козляки шили, дохи, шили орогды, орочонские рукавицы; Орочонские рукавицы — козлины, до локтей, с прорезью у ладони. Отец на охоту орочонские рукавицы носил. Орочонские рукавицы — дырочка ниже напалка, сюды напалок. Сама рукавица с козулятины, с козьей шкуры* [16, с. 298]. Слово *орочон* (*орочен*) эвенкийского происхождения и является самоназванием эвенков, имеющих оленей, оленеводов (от *орон* — олень (домашний)) и живущих к востоку от Байкала [1, с. 107]; более распространенное название эвенков в XVII–XIX вв. и начале XX в. — тунгусы. По свидетельству историка А. П. Васильева, в Забайкалье крещенные представители этого кочевого народа в второй половине XVIII в. вступали в казачьи полки и охраняли границу вместе с русскими и бурятскими казаками; например, «в 1784 г. всего казаков на границе было 1458 человек, из них 900 русских, 305 тунгусских и 253 бурятских» [2, с. 2]. Тесно общаясь с инородцами (как называли до революции местное население), русские перенимали у них многое, так как «заброшенные судьбой в такую местность, где встречался совершенно новый характер природы и климата, лишённые опоры в русском соседстве, эти поселенцы поневоле прибегали к тем средствам существования и к тому складу быта, кото-

рый находили у туземцев» [13, с. 432]. А рукавицы с прорезью (или отверстием) на ладони были очень удобными, особенно для охотников: во время прицеливания позволяли высунуть только указательный палец и не морозить руку, да и поводя в таких рукавицах держать удобнее. В некоторых забайкальских говорах (борзинских) сохранилась заимствованная из бурятского языка лексема *туруны* (бур. *туруун* — « меховой манжет, пристегиваемый к рукаву» [18, с. 437]), которая и обозначает подобные рукавицы — с открытой ладонью: *Туруны — это бурятские рукавицы с открытой ладошкой, чтоб ловче поводя держать. Кто на конях-то ездит, вот туруны одевают* [11, с. 169].

Очень важными являются данные Словаря русских говоров Приамурья о значении слова *гуран*² и производных от него ЛЕ *гуранка*, *гуранский*, *гуранские* и *гуранье*; омонимы *гуран*¹ и *гуран*² появились в результате распада полисемантического слова *гуран*, заимствованного в прямом значении из бурятского языка (*гура/н/* — «самец косули (в период, когда у него опадают рога)» [18, с. 160]; *гурөөһэ/н/* — «дикая коза, косуля» [18, с. 166]; переносное же значение появилось в говорах русских казаков-забайкальцев. И надо заметить, что в некоторых других лексикографических источниках связь лексико-семантических вариантов этого слова сохраняется [15, с. 110; 11, с. 56].

Толкование значения ЛЕ *гуран*² как прозвища жителя Приамурья, потомка русских переселенцев из Забайкалья, помогает современным забайкальцам разобраться в том, кто такой гуран. В советское время в связи упразднением казачества она устарела и употреблялась редко, но с возрождением Забайкальского казачьего войска в 1990-м г. вновь стала востребованной, актуальной, появились даже новые производные — имена собственные *Гураныч* и *Гурания* [12, с. 148]. Только, к сожалению, значение ее исказилось в языковом сознании многих забайкальцев (по результатам опросов), в том числе и краеведов: они считают, что гураны не столько казаки, сколько потомки от смешанных браков русских с бурятами или тунгусами, то есть отождествляют ЛЕ *гуран* и *карым* [9]. Слово *карым*, появившееся еще в XVIII в. и зафиксированное в Словаре В. И. Даля, является русским фонетическим вариантом монгольского *харым* («чужой, инородный» [6, с. 5]) и обозначает не только крещеного бурята, но и метиса, или «смесь русского и бурятки, тунгуски» [5, т. 2, с. 95], то есть потомка от браков пришедших в Прибайкалье и Забайкалье русских казаков с местными девушками. Слово это, точнее его лексема, к началу XXI в. уже настолько устарело, что почти не известно носителям говоров, а значение перешло к слову *гуран*, вытеснив в языковом сознании части забайкальцев исконное переносное значение.

Видимо, этому способствовала и утрата таких предметов одежды забайкальца-охотника, как *козляк* и *орогда*, потому что носители приамурских говоров, сохранившие их, связывают появление прозвища *гуран* именно с ними: *А казаков так звали — гуранами, потому что они, когда на охоту соберутся, одеваются, как козел, чтобы дичь не спугнуть. Одевают козляк, унты и орогду; За че казаков называли гураны: оне ведь орогды носили гураньи. Прозвищие и сделали гураны; Гуран — это казак, привадное имя (прозвище) было* [16, с. 108]; *Наденет орогдэшку, ну и прилепили [прозвище] гуран* [16, с. 298].

Представленные в Словаре многочисленные контексты употребления слова *гуран*² не оставляют сомнений в том, что это — прозвище, которое появилось на

основе метафорического переноса наименования дикого козла — *гурана* — на охотника в одежде, сшитой из гураньих шкур (особенно, думаю, впечатляла *орогда*; даже рисунок этой шапки, данный в Словаре [16, с. 523], как и многих других предметов одежды, обуви, быта, плотничьего дела, рыболовства и т. д., что очень ценно в наше время, удивляет (надо же придумать!) и поражает). Это — прозвище русских казаков в Забайкалье (*Гуран* — *это чисто русский, переселенец из Забайкалья* [16, с. 108]), которое они привезли на Амур и передали по наследству своим детям (*Он гуран дамнишний: на Амуре родился* [16, с. 108]); и оно никак не связано с национальной принадлежностью. Это подтверждают и данные «Материалов к словарю русских говоров Бурятии»: *гуран* — «прозвище забайкальских казаков-старожилов, носивших гураньи шапки» [8, с. 71]. Следовательно, и родственные ЛЕ *гуранка* и (неодобр.) *гуранье* в забайкальских говорах тоже являются прозвищами, а прилагательное *гуранский* обозначает все, относящееся к гуранам, в наше время — потомкам казаков и коренным забайкальцам [11, с. 56].

Устарела и вышла из употребления в забайкальских говорах, но сохранилась в памяти жителей Приамурья пренебрежительная ЛЕ *гужеед*, имеющая значение «прозвище переселенца из Вятской губернии»: *Прозвища тут разны давали: и гужееды, и водохлебы. Гужеедами вятских переселенцев называли* [16, с. 107]. Эта ЛЕ в более широком значении «крестьянин» употреблена в романе К. Ф. Седых «Даурия»; описывая жизнь забайкальских казаков до революции и затрагивая тему неприязненных отношений между ними и крестьянами, автор пишет, что казаки дразнили крестьян при встречах «жерновами» и «гужеедами» [14, с. 131]. И в конфликтной ситуации крестьянин обратился к казаку, назвав его *гураном проклятым*, а казак подсадовал: «Вот *гужеед* драный. Он так и впрямь уйдет» [14, с. 134]. Прозвище казаков использовалось крестьянами как ругательное, что зафиксировал этнограф и филолог А. П. Георгиевский, слышавший его повсеместно в Забайкалье еще в 20-е г. XX в. [3, с. 25]. И в Приамурье крестьяне окрашивали его отрицательными эмоциями, что можно понять из контекстов: *Местное население было казачество, гуранами называли как прозвище. Некоторые принимают как оскорбление, сердятся, недопонимают; Я сама гуранка, здесь родилась, меня гуранкой так и зовут, я не обижаюсь; Гуранье богаты были, крестьяны их не любят* [16, с. 108]. Причина устаревания этой ЛЕ — изменившиеся социальные условия жизни забайкальцев: в 30-е гг. XX в. и казаки, и крестьяне стали колхозниками с равными правами, и сословная неприязнь постепенно сошла на нет.

Таким образом, Словарь русских говоров Приамурья содержит как лингвистические сведения о говорах забайкальских казаков, так и этнографические — о них самих и их культуре.

Литература

1. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 216 с. Текст: непосредственный.
2. Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3 томах. Чита: Типография Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Приложение ко 2-му т. 91 с. Текст: непосредственный.

3. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Русские говоры Приморья. Владивосток: Типография Гос. Дальневост. ун-та, 1928. Вып. 3. 95 с. Текст: непосредственный.
4. Голик А. А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851–1917 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 209 с. Текст: непосредственный.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Русский язык, 1978. Т. 1–4. 942 с. Текст: непосредственный.
6. Дамдинов Д. Г. О предках Гантимуровых (титулованных князей и дворян по московскому списку). Чита: ЦНОП, 2005. 95 с. Текст: непосредственный.
7. Лазарева С. И., Сергеев О. И. Поселения 1879 года в Уссурийском казачьем войске (к 130-летию со времен основания) // Казачество Дальнего Востока России в 17–21 веках: к 120-летию Уссурийского казачьего войска. Хабаровск, 2009. С. 55–62. Текст: непосредственный.
8. Майоров А. П., Болсохоева А. Д. Материалы к словарю русских говоров Бурятии // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1995. С. 63–99. Текст: непосредственный.
9. Мищенко А. Карымы // Забайкальский рабочий. 2002. № 64. 6 апр. С. 5.
10. Пляскина Е. И., Игнатович Т. Ю. Материалы к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья. Казань: Бук, 2019. 182 с. Текст: непосредственный.
11. Пляскина Е. И. Историко-этнографический очерк диалектного слова *гуран* // Язык в различных сферах коммуникации: материалы международной конференции (г. Чита, 20–21 сентября 2019 г.). Чита: Изд-во ЗабГУ, 2019. С. 145–154. Текст: непосредственный.
12. Пыпын А. Н. История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. Т. 4. 488 с. Текст: непосредственный.
13. Седых К. Ф. Даурия. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 431 с. Текст: непосредственный.
14. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под редакцией Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1999. 560 с. Текст: непосредственный.
15. Словарь русских говоров Приамурья / авторы-составители О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова [и др.]. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 2-е изд., испр. 542 с. Текст: непосредственный.
16. Словарь русского языка / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981. Т. 1–4. 698 с. Текст: непосредственный.
17. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1973. 840 с. Текст: непосредственный.
18. Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 576 с. Текст: непосредственный.
19. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. Москва: Наука, 1980. 472 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 29.03.2022.

DICTIONARY OF RUSSIAN SUBDIALECTS OF THE AMUR RIVER REGION
AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE TRANSBAIKAL COSSACKS

Elena I. Plyaskina

Cand. Sci. (Phil.),

A/Prof. of the of the Russian Language and Teaching Methods Department,
Transbaikal State University

30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russia

plyaskinaei@mail.ru

Abstract. The article analyzes the lexical units (their meaning and use) recorded in the Dictionary of Russian subdialects of the Amur River region and representing valuable linguistic and ethnographic information for the study of subdialects of the Transbaikal Cossacks, namely, the words that have gone out of use from the Transbaikal subdialects, but preserved in subdialects of the Amur River region in the same meanings: ‘*козляк*’ and ‘*орогда*’, as well as the attributive combination ‘*орочонские рукавицы*’ (the reason for their obsolescence is the loss of denotation), and the derogatory nickname of peasants ‘*зужеед*’, which changed its meaning in subdialects of the Amur River region. Other lexical units presented in the dictionary, such as ‘*аргунец, читинка, шилкинка, аргунские колоба*’ characterize the outdated customs of Transbaikalians. Information about the meaning of the word ‘*зуран*’ and dictionary illustrations help to understand how this nickname of the Transbaikal Cossack arose.

The study is relevant due to the interest to the ethnic roots of the Russian nation, the origins of national culture, and the etymologies of the word ‘*зуран*’ put forward in recent years.

Keywords: subdialect, Transbaikal subdialects, subdialects of the Amur River region, obsolete vocabulary, lexical units, lexeme, meaning, direct meaning, figurative meaning, polysemantic word, homonyms.

For citation

Plyaskina E. I. Dictionary of Russian Subdialects of the Amur River Region as a Source of Information about the Transbaikal Cossacks. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2022; 1: 27–33 (In Russ.).

The article was submitted 11.12.2021; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 29.03.2022.